

**ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА
ПРОЗЫ В. РАСПУТИНА И А. КУДРАВЦА
(опыт сравнительного анализа)**

Размышления о бытии, о Боге, о смысле существования являются важнейшей составляющей духовного становления и формирования личности, развития гуманитарного сознания. Поиск ответов на вечные вопросы занимают богословие, философия, литература. В русской и белорусской литературах экзистенциальное направление начинает складываться в XIX в., когда влияние церкви на общественное сознание ослабевает и гуманитарная мысль встает перед выбором – «как человеку лучше жить: с Богом или без Бога?» [1, с. 89].

С точки зрения исследователей, оппозиция веры-безверия на протяжении двух последних столетий осмысливалась по-разному. Философия и литература второй половины XIX в. искали доказательства права человека на разрыв с Богом, на отказ от абсолютных ценностей и нравственных ориентиров. В XX в. советская идеология последовательно и насильственно искореняла из сферы культуры и литературы все, что было связано с религией и напоминало о Боге [1; 2]. И лишь в последней трети XX столетия происходит восстановление в правах традиционных ценностей и теоцентрической картины мира.

Возвращение к утраченным духовным ориентирам наметилось в произведениях «деревенской прозы». Размышляя о сущности национального характера и о моральном облике современника, писатели искали духовные основы в патриархальном укладе крестьянской жизни и в народных представлениях о нравственности. Вопрос веры и безверия снова решается в пользу веры. Жизнь без Бога в душе лишена смысла. В этом ракурсе особую остроту и актуальность приобретает тема возвращения к корням, восстановления утраченных связей с родной почвой, ибо только так можно обрести духовную опору.

Не случайно, фабульная канва многих произведений «деревенской прозы» в той или иной степени соотносится с евангельской притчей о блудном сыне. В статье «Об экзистенциальном пространстве русской литературы» В. Бачинин утверждает, что «блудный сын – это универсальный экзистенциальный тип духовного скитальца, потерявшего не только Бога, но и самого себя вначале утратившего, а затем вновь обретшего собственную идентичность» [1, с. 95]. Очевидно, что движение гуманитарной мысли в XIX–XX вв. коррелирует с логикой сюжета об отречении от отца (Бога) и последующем раскаянии, жажде спасения и решении вернуться.

В 1960–1980-е гг. писатели-«деревенщики» декларируют необходимость возвращения, предлагают его пути, предупреждают об экзистенциальной катастрофе в том случае, если возвращения блудного сына не случится. В белорусской литературе этого периода евангельская притча приобретает еще одно определяющее значение – обретения не только личной, но и национальной идентичности.

Произведения В. Распутина и А. Кудравца характеризуются глубиной нравственной проблематики, постановкой важнейших экзистенциальных вопросов. Утрата человеком духовности осмысливается в прозе писателей как результат морального отступничества, разрыва связей со своим прошлым, с малой родиной.

В повести А. Кудравца «Радуница» прослеживается типичная для «деревенской прозы» оппозиция «город – деревня». Отъезд из деревни в город – это первый шаг к отступничеству, поскольку в городе разобщенность между людьми становится нормой жизни: ««Дзіўна... Усе з аднаго сяла, жывём у адным горадзе, а адзін пра аднаго нічога не ведаем». – “А што тут такога, – пачаў тлумачыць Лёня. – Мінск – не Буднеў. Кожны бяжыць, кожны спяшыць... Бывае, што і пісьма дамоў некалі напісаць”» [3, с. 17]. Есть в повести герои, для которых отречение от нравственных ценностей оказалось необратимым. И другие персонажи, и сам автор отказывают им в возможности спасения. Среди них – бывший полицейский Байда, сотрудничавший во время войны с немцами, и Федя Микуличишин, для которого не существует духовного опыта предков и становятся возможными циничные рассуждения о матери: «Колькі там я таго малака выпіў? Можа, графін які ці два... То хай прыязджае ў Мінск – куплю ў магазіне ды аддам гэтыя два графіны ці колькі там» [3, с. 82]. Экзистенциальный кризис для этих героев непреодолим.

В повести В. Распутина «Прощание с Матёрой» идейным центром становится образ старухи Дарьи. С этим образом связан целый комплекс экзистенциальных вопросов в первую очередь – проблема сохранения веры и духовности. Именно в уста Дарьи вкладывает В. Распутин предупреждение о возможных последствиях духовного отступничества, адресованное последующим поколениям: «В ком душа, в том и Бог, парень. И хошь не верь – изневерься ты, а он в тебе же и есть. Не в небе. А боле того – человека в тебе держит. Чтoб человеком ты родился и человеком остался. Благодсть в себе имел. А кто душу вытравил, тот не человек, не-е-ет! На чё угодно такой пойдет, не оглянется» [4, с. 95]. Символично, что сын Дарьи, Павел, погруженный в бытовые хлопоты, связанные с переездом, ловит себя на ощущении того, о чем предупреждала мать: «Павел со стыдом вспомнил, как стоял он возле догорающей своей избы и все тянул, тянул из себя, искал какое-то сильное, надрывное чувство – не пень ведь горит, родная изба, – и ничего не мог вытянуть и отыскать, кроме горького и неловкого удивления, что он здесь жил. Вот до чего *вытравилась душа!*» (курсив наш. – Е. К.) [4, с. 147–148].

Духовное опустошение ведет человека по пути деградации. Так, герои повести В. Распутина «Последний срок» Михаил и Илья «вытравленную» душу «лечат» пьянством: «Я так считаю: пьем потому, что теперь такая необходимость появилась – пить. <...> Мы сильно устаем, и не так, я скажу тебе, от работы, как черт знает от чего. <...> А выпил – будто в бане помылся, сто пудов с себя сбросил» [4, с. 365]. Очевидно, что подобное поведение не является выходом из экзистенциального кризиса. И у писателя, и у читателей очень мало надежды, что героям удастся преодолеть деградацию, отыскать путь морального возрождения.

В то же время В. Распутин и А. Кудравец видят этот путь и четко очерчивают его в своих произведениях. Чтобы избежать духовного разложения, человек не должен забывать дорогу к родным корням, к своему прошлому и прошлому своего народа, в широком смысле – дорогу домой. Путь героя домой обретает в повести А. Кудравца «Радунца» зримый, осязаемый смысл, становится началом сюжетного действия и началом пути Ивана Купцова к самому себе: «Трэба было толькі выйсці з вагона, мінуць пуці і заглябіцца ў лес, як усё тое, чым ён жыў у горадзе, заставалася недзе там, па-за ім, а сам ён рабіўся як быццам інакшым чалавекам – мякчэў, дабрэў» [3, с. 13]. Продолав этот путь, Иван обретает себя, осознает, что он – частица духовно-моральной сущности своих отца и матери, ощущает тесную взаимосвязь с землей, на которой он родился и вырос: «Ён быў тут свій і ведаў, што навечна прывязаны да гэтых людзей, да ўсяго, што хвалюе і непакоіць іх, да гэтых старых могілак... Гэта была яго зямля, было яго жыццё, гэта быў ён сам...» [3, с. 68]. Постигание Иваном Купцовым самого себя, своего единства с землей и традициями отцов свидетельствует о том, что выход из духовного кризиса, возвращение блудного сына возможны, если человек не убивает в себе память.

В повести В. Распутина «Прощание с Матёрой» понятие «малой родины» ограничено пространством острова. Но для человека, родившегося на этом острове, Матера представлялась своего рода микрокосмом, вмещала все признаки гармоничной вселенной: «И тихо, покойно лежал остров, тем паче родная, самой судьбой назначенная земля, что имела она четкие границы, сразу за которыми начиналась уже не твердь, а течь. Но от края до края, от берега до берега хватало в ней и раздолья, и богатства, и красоты, и дикости, и всякой твари по паре – всего, отделившись от материка, держала она в достатке – не потому ли и называлась громким именем Матёра?» [4, с. 35]. В отличие от повести А. Кудравца, «Прощание с Матёрой» – повествование о потере людьми дома, земли, хранящей память о предках, а значит, блудный сын обречен на вечное скитальчество, ибо родительского дома, в который можно вернуться и получить прощение, у него не осталось.

Не случайно в прозе и русского, и белорусского писателей топос дома наделяется сакральным, архетипическим значением. Дом –

это не просто жилище, это центр вселенной, вместилище души. Вернуться в дом – значит обрести покой, защиту и внутреннюю гармонию: «Няма нічого лепшага за раницу ў матчынай хаце... радасць, што ты зноў дома, як быццам і не з'яджаў адсюль ніколі, радасць вяртання ў самога сябе – ранейшага, малага, нейкага другога і разам з тым такога ж самага, як і цяпер, жыве ва ўсім цэле, наводзіць на думку аб вялікім, нечалавечым шчасці» [3, с. 30]. Трагедию утраты человеком родной земли В. Распутин изображает через разрушение центра этого обжитого мира – гибель избы, которая так же, как и Матера, обречена на смерть: «Сидеть в пустой, разоренной избе было неудобно – виновно и горько было сидеть в избе, которую оставили на смерть. И пособить нельзя, нет такой помощи, чтобы пособить, и видеть невыносимо, как слепнут стены и в окна льется уже никому не нужный свет» [4, с. 51]. Глубинный смысл отношения к дому, как к живому существу, имеет поступок Дарьи, обряжающей избу в последний путь.

С категориями дома, родины, прошлого связана проблема памяти о предках. Отношение к родным могилам является в прозе писателей своего рода «проверкой» нравственной сущности героев, их духовной состоятельности. Одним из самых эмоциональных моментов повести В. Распутина «Прощание с Матёрой», свидетельствующих о масштабах экзистенциальной катастрофы, становится разрушение кладбища. С точки зрения Дарьи и других обитателей Матеры, надругательство над «вечным домом» мертвых окончательно лишает человека права называться человеком: «Могилы зорить... – Дарья взвыла. – А ты их тут хоронил? Отец, мать у тебя тут лежат? Ребята лежат? Не было у тебя, у поганца, отца с матерью. Ты не человек. У какого человека духу хватит?!» [4, с. 21]. Картина разоренного кладбища – приговор технократическому обществу, заменившему духовные ценности материальными.

Как мы уже отмечали, повесть А. Кудравца обладает иным пафосом, так как писатель не лишает героя возможности вернуться в дом, восстановить связь с традициями предков. Само пребывание Ивана Купцова в родительском доме совпадает с празднованием Радуницы, праздника, связанного с культом предков. Изначально языческий обряд прижился и в христианстве. В обиходе определенной местности этот праздник имеет и другие названия – «Деды радостные», «Пасха мертвых», указывающие на сущность обычая – радостного, пасхального поминовения мертвых, обусловленного идеей всеобщего воскресения. Многое в этом коллективном поминальном обряде кажется Ивану Купцову странным и даже неприемлемым, смущает героя праздничное застолье на могилах. Однако даже в этом прозревает Иван высший смысл – взаимосвязи поколений, ушедших и ныне живущих, непрерывающейся памяти живых о мертвых, победы жизни над смертью: «Іван падумаў пра тое, што яму вельмі пашчаслівіла трапіць дамоў у такі дзень, калі ўсё разам – і слёзы, і радасць, і жывыя, і мёртвыя, калі да кожнага чалавека

прыходзяць думкі пра тое, хто ён і што ён, куды ідзе і адкуль ідзе і ці ёсць у яго на гэтым свеце яшчэ што-небудзь, акрамя яго самога» [3, с. 106]. Название праздника – «Радуница» – становится названием повести – произведения о возвращении домой, обретении памяти, веры, духовности.

Примечательно, что ключевая экзистенциальная оппозиция веры–безверия в произведениях В. Распутина и А. Кудравца часто осмысливается через другую оппозицию: память–беспамятство. Вероятно, по мысли писателей, только человек, сохранивший память о прошлом (своего рода и своей родины) может сохранить нравственные ориентиры и национальную идентичность. Оттого наряду с евангельскими мотивами притчи о блудном сыне в прозе русского и белорусского писателей звучит мотив суда и, прежде всего, – суда памяти: «Памяць – гэта непадкупны і непадуладны суддзя, і ён час ад часу напамінае людзям пра тое, пра што не трэба забываць...» [3, с. 73]. Поскольку повести В. Распутина – это обращенное к современникам и последующим поколениям предостережение о том, что кризис духовности может стать необратимым, мотив суда в произведениях писателя приобретает определяющее значение. Это суд мертвых над живыми за отступничество от земли и веры предков: «Сёдни думаю: а ить оне с меня спросют. Спросют: как допустила такое хальство, куды смотрела? На тебя, скажут, понадеялись, а ты? А мне и ответ держать нечем <...> Они спрашивают о надежде, они говорят, что она, Дарья, оставила их без надежды и будущего» [4, с. 29, 126]. Это суд личной памяти над человеком за отречение от своих корней, от своего прошлого, который переживает Люся из «Последнего срока»: «...это странным образом связывалось с прошлым, с каким-то потерянным воспоминанием, за которое с нее теперь спросится... <...> Забыла... Вот оно наконец то, что, не открываясь, почти с самого начала сегодня изводило ее какой-то молчаливой давней виной, за которую придется держать ответ» [4, с. 383, 388]. Память о прошлом является залогом преемственности поколений, продолжения жизни.

Отметим, что экзистенциальная проблематика конечности существования, бытия–к–смерти получает в «деревенской прозе» новую трактовку. Жизнь крестьянина подчинена земледельческому циклу, круговороту природы. Следовательно, понятия жизни и смерти, умирания и нового рождения прочно вошли в обиход деревенского жителя, приобрели значение повторяемости, цикличности. Человек рождается на свет, чтобы продолжить дело жизни, стать очередным звеном вечной цепи. В этом ракурсе не кажется парадоксальным, что Михаил, герой повести В. Распутина «Последний срок», приходит к осознанию своей смертности после рождения первенца: « – Смотри, мать: я от тебя, он от меня, а от него еще кто-нибудь. – И добавил с затаенностью и горечью провидца: – Вот так оно все и идет. <...> И тогда же как следует, по-взрослому и

наедине сам с собой он понял, что смертен, как смертно в мире все, кроме земли и неба» [4, с. 430].

Эта дихотомия жизни и смерти, так пугающая младшее поколение, дает старшему, уходящему, успокоение, ощущение исполненности своего предназначения в деле продолжения жизни: «Она находится сейчас на самом сгибе: одна половина есть и будет, другая была, но вот-вот продернется вниз, а на сгиб встанет новое кольцо. Где же их больше – впереди или позади?» [4, с. 127]. И Анна, и Дарья уходят к «своим», оставляя после себя новые поколения.

Представления о жизни и смерти человека, цикличности природы тесно переплетаются и в повести А. Кудравца «Радуница». Образ засеянного поля, готовящегося по весне дать новый урожай, коррелирует с сакральным смыслом Радуницы – надеждой на всеобщее воскрешение. И в то же время в памяти Ивана дорога через поле связана с проходами отца в последний путь: «Поле было засеяно жытам. Яно добра бралася кучаравай, быццам вывернуты кажух, шэра-зялёнай воўнай. Усе ішлі напрасці, пакідаючы сляды на мяккай, плыўкай зямлі... У яго памяці гэта дарога значылася нашмат даўжэйшай. У яго памяці яна засталася такой, як была тады, калі па ёй везлі хаваць бацьку» [3, с. 55]. Таким образом, «деревенская проза» предложила свое осмысление экзистенциальной категории смерти, тяготеющее, скорее, к эсхатологической, нежели к апокалиптической концепции.

Безусловно, носителями экзистенциального сознания в анализируемых произведениях В. Распутина и А. Кудравца являются представители старшего поколения. Это обусловлено несколькими причинами. Во-первых, именно старшее поколение, с точки зрения писателей, остается хранителем народных традиций, духовности и нравственности. Мировоззрение старших можно охарактеризовать как теоцентрическое, в то время как для молодого поколения вопросы веры отходят на второй план. Во-вторых, с образами стариков, находящихся, по меткому выражению Дарьи, «на самом сгибе» [4, с. 127], связана экзистенциальная ситуация смерти, отношение к которой становится для них не только осознанием конечности бытия, но и подведением итогов прожитой жизни. В-третьих, пройденный жизненный путь позволяет старикам с особой глубиной осмыслить экзистенциальные категории Бога, судьбы, природы, времени.

Очевидно, что для человека, оглядывающегося на прожитую жизнь и оценивающего ее, основополагающими будут понятия судьбы и смысла жизни. Поскольку идея цикличности, преемственности, взаимосвязи поколений пронизывает прозу и В. Распутина, и А. Кудравца, одним из главных объектов художественного исследования в их произведениях становится образ и судьба женщины. Не случайно сами героини видят свое главное предназначение в продолжении рода, в рождении и воспитании детей: «Тебе господь жить дал, чтобы ты дело сделала, ребят оставила – и в зем-

лю... чтоб земля не убывала» [4, с. 70]; «Усё жыццё ёй не было калі думаць пра сябе: маці заўсёды думае пра дзяцей і толькі пасля, калі застанецца час, пра сябе» [3, с. 36].

Вообще, смысл жизни человека, как и всего сущего на земле, в понимании писателя, соотносится с христианским представлением о служении: «Все, что живет на свете, имеет один смысл – смысл службы. <...> Без дела, без того, чтобы в нем нуждались, человек жить не может. Тут ему и конец. И не такие люди, как она, и не в таких годах, оставшись без надобности, без полезного служения, крест-накрест складывали на груди лапки» [4, с. 45, 116].

Старики осознают завершенность своего служения, законченность пути. За долгую жизнь все, что так или иначе было связано со смертью, обросло привычными бытовыми подробностями. Обрядить в последний путь покойника, присмотреть за могилами, помянуть усопших – приобрело значение дела, работы, которую время от времени должны выполнять живые: «Ні на адным твары Іван не бачыў слядоў жалбы ці гора. Быццам усе сабраліся на работу – сур'ёзную, сумнаватую, урачыстую, але звычайную, патрэбную работу» [3, с. 57–58]. Оттого, видимо, и к собственной смерти старики относятся по-крестьянски вдумчиво, как к последнему делу, которое им предстоит совершить. Ожидание смерти лишено страха. Это подготовка к воссоединению с предками, надежда на постижение вышей, «полной правды» [4, с. 128] о жизни.

В произведениях В. Распутина и А. Кудравца есть также комплекс экзистенциальных вопросов, связанных с образами среднего и младшего поколений. Несомненно, тревога писателей о духовном состоянии общества обращена прежде всего не к тем, кто уходит, а к тем, кто продолжает (или только начинает) свой путь. В философии экзистенциализма существует понятие экзистенциального «пробуждения». Говорят о нем в том случае, когда человеку удается вырваться из автоматизма жизни и обрести самоидентичность. Можно предположить, что ситуация экзистенциального «пробуждения» определяет общую тональность повестей В. Распутина и А. Кудравца. Так, в «Последнем сроке» В. Распутина близкая кончина старухи Анны, казалось бы, должна была «вырвать» ее детей из привычного, светного, бытового круговорота. Но, даже вырванные из него, они не используют данный им последний срок, заполняют время ненужными ссорами, не приходят к духовному очищению и покаянию перед лицом горя, которое должно объединить их всех, но не объединяет: «Напоминание об умирающей матери не отпускало, но сильно и не мучило их: то, что надо было сделать, они сделали – один дал известие, другой приехал, и вот водку вместе принесли – все остальное зависело от самой матери...» [4, с. 335]. Таким образом, экзистенциального «пробуждения» не происходит, и модус художественности произведения может быть охарактеризован как драматический.

В отличие от героев «Последнего срока», герой повести А. Кудравца «Радуница» Иван Купцов, находясь в родительском доме, посещая могилу отца, ощущает неразрывную связь со своей землей и родом: «Ну вось, бацька, я зноў прыйшоў да цябе. Я не магу не прыходзіць, бо ты – гэта я, а я – гэта ты. Ты жывеш ва мне, быццам ніколі і не паміраў, і мне лягчэй з табой» [3, с. 22]. Иван, сохранивший в себе память о родных корнях, испытывает духовный подъем, желание «жыць чалавекам сярод людзей» [3, с. 103], а значит, находит путь нравственной эволюции. Примечательно, что с образом Ивана Купцова связана в повести не только идея возвращения, но и обретения взаимной любви, личного счастья. Любовь в экзистенциализме трактуется как трансцендентная ситуация, прорыв к «другому», через который человек познает Бога. Символично, что любимая женщина Ивана носит в произведении имя Вера. Надеждой и верой в будущее завершается повесть: «У небе трапяталі крыльцямі, звінелі жаўранкі, і гэты звон выцягнуў шчыmlвiую тугу з сэрца. Побач з тугой жыла ў ім, саграючыся і шырачыся, радасць абнаўлення, а ў ёй – дарагім напамінам яна – Вера» [3, с. 106]. Повесть «Радуница» – произведение о духовном возрождении героя, обретении им самого себя, а значит, для нее характерен идиллический модус художественности.

Однако есть в творческом наследии А. Кудравца произведение, в котором герой оказывается неспособен выбраться из духовного кризиса. Рассказ «Бацька і сын» своей идейно-тематической направленностью соотносится с анализируемыми повестями В. Распутина. Автор не находит оправдания для героя рассказа Максима, не приехавшего на похороны матери, а потому лишает его возможности восстановить связь с родительским домом, найти понимание у отца. В духовном смысле возвращение блудного сына не состоялось. Символом окончательного разрыва героя-отступника с нравственными ценностями выступает в рассказе образ спиленного дуба, который для Максима «быў адно непадзельнае з сялом, дзе нарадзіўся і рос, з дзяцінствам, з бацькавай хатай» [3, с. 168].

Следовательно, использование сюжетных мотивов евангельской притчи о блудном сыне помогает писателям в постановке и решении важнейших экзистенциальных вопросов, в осмыслении категорий веры, безверия, жизни, смерти, судьбы, смысла человеческого существования. Обращение к данным категориям позволило лучшим представителям «деревенской прозы» выйти за пределы социальной проблематики, выразить тревогу о нравственном облике современника, расширить идейно-тематические границы прозы последней трети XX в. Благодаря чему «деревенская проза» сформировалась как одно из ключевых течений в литературе этого периода, сумела преодолеть каноны нормативной эстетики и вернуть творческий процесс в русло классической художественности.

Список литературы

1. Бачинин В. А. Об экзистенциальном пространстве русской литературы // Свободная мысль. 2012. № 9–10. С. 89–102.
2. Заманская В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий. М. : Флинта : Наука, 2002. 304 с.
3. Кудравец А. П. Выбранные творы : у 2 т. Минск : Маст. літ., 1987. Т. 1. 416 с.
4. Распутин В. Г. Повести. Минск : Беларусь, 1983. 528 с.

Ю. М. Брюханова

г. Иркутск

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН И АНДРЕЙ АНТИПИН: традиционная проза в эпоху «текущей современности»

Жизненный и творческий путь Валентина Распутина оставил заметный след в русском национальном самосознании, и это факт бесспорный. Именно в русском, поскольку все у писателя было связано с Родиной, народом и русским языком, в котором он видел «путь познания себя и своего народа, его психологии, этики, морали, веры, исторической поступи и, в конце концов, его души» (2002) [1, с. 9]. И чем ближе к этим нравственным основам человек, тем сильнее резонирует в нем распутинское слово.

Деревенская проза, традиционная проза – так обозначали место рассказов и повестей Распутина в литературном процессе. Но очевидно, что деревенскую прозу Распутин перерос, а идеология и поэтика традиционализма напрямую связана с той «Программой жизни» (по словам В. Ганичева [2, с. 12]), которую писатель творил в своем художественном пространстве: это и приоритет общих интересов над личными, этики над эстетикой, и утверждение безусловности истины, призванной разрешить сложные социально-психологические конфликты, и живописность языка (см.: Плеханова И. И. Творчество Валентина Распутина и философия традиционализма [3]). Как отмечает М. А. Литовская, книги Распутина посвящены «патриархальной цивилизации» [4, с. 31], однако ценность и весомость «патриархальной цивилизации» в последние десятилетия подвергается все большему и большему сомнению. Насколько важна она в настоящее время и как отражается ее значимость (или незначимость) в современном литературном контексте? Чтобы ответить на эти вопросы и показать, как преломляются в художественном сознании другого / нового поколения те проблемы, что поднимает Распутин, обратимся к творчеству современного сибирского писателя Андрея Антипина (1984 г. р., род. в селе Подымахино Усть-Кутского р-на Иркут. обл.).